

33. Сопротивление анархистов (окончание)

Борьба сталинистов за власть не закончилась с устранением Франсиско Ларго Кабальеро. У них оставались другие соперники, в первую очередь анархисты. Против НКТ-ФАИ сталинисты использовали как лозунг «единства рабочего класса», так и правительственные и неправительственные силы, пытавшиеся уничтожить либертариев организацию и индивидуально.

Пакт о единстве НКТ-ВСТ 1938 года

Как ни странно, только когда прежний союзник анархистов Ларго Кабальеро был отстранён от руководства ВСТ сталинистами и их попутчиками, НКТ наконец утвердила «программу единства» с ВСТ. Этот совместный документ представлял собой большую уступку со стороны анархистов и демонстрировал, как далеко они ушли от своих основополагающих убеждений.

НКТ стремилась заключить пакт с ВСТ ещё до начала Гражданской войны. Резолюция Сарагосского конгресса 1936 г. призывала к созданию «революционного рабочего альянса» с ВСТ и предлагала сформировать комитет по взаимодействию двух организаций, чтобы выработать условия подобного соглашения¹.

Очевидно, что в первые месяцы Гражданской войны и анархисты, и фракция Ларго Кабальеро в ВСТ стремились к единству действий двух профсоюзных центров и даже задумывались о возможном объединении двух организаций в ближайшем будущем. Это стало основной темой совместного первомайского митинга в Валенсии в 1937 г., на котором выступали Карлос де Барайбар и два других представителя ВСТ и Мариано Васкес, Федерика Монсень и Хуан Пейро от НКТ².

Выше мы отмечали, что после отставки правительства Ларго Кабальеро было заключено предварительное соглашение между ВСТ, всё ещё контролировавшимся Ларго Кабальеро, и НКТ, которое очевидно преследовало не только профсоюзные, но политические цели – формирование рабочей оппозиции правительству Негрина. Раскол ВСТ в последние месяцы 1937 г., вызванный коммунистами и антикабальеровскими социалистами, на время сделал невозможным какое-либо эффективное сотрудничество между НКТ и ВСТ. Однако под давлением обстоятельств, возникших после наступления Франко в Арагоне и прорыва мятежных сил к Средиземному морю, в марте 1938 г. было подписано новое соглашение.

Хосе Пейратс, историк НКТ времён Гражданской войны, охарактеризовал предложения, как от ВСТ, так и от НКТ, по этой «программе единства», которая охватывала широкий диапазон проблем, стоявших перед рабочим движением и Республикой. Он также изложил содержание итогового документа, принятого в марте 1938 г. Согласно Пейратсу:

“ «В военной сфере НКТ согласилась с предложением о создании мощной армии, подчинённой государству и в дополнение к естественным, или внутренним, атрибутам армии наделённой внешними атрибутами милитаристского происхождения, без каких-либо гарантий для народа, кроме предоставленных комиссарами, также подчинёнными государству... В военном производстве НКТ согласилась ограничиться участием профсоюзов в работе совета, также подчиняющегося государству или его ведомству, Субсекретариату вооружений...

НКТ согласилась на национализацию основных отраслей промышленности и на то, что эта национализация будет проходить на условиях, определённых государством. Это ставит государство на вершину социальной пирамиды. То же самое произошло с национализацией банков, которую НКТ дополнила созданием Иберийского синдикального банка».

Рассматривая роль муниципалитетов, Пейратс пишет:

“ «В вопросе местного самоуправления НКТ окончательно убрала из своих лозунгов классическое представление о свободном муниципалитете... В пакте НКТ-ВСТ муниципалитет остаётся обычным администратором недвижимого имущества милитаристского государства, централизующего и эксплуатирующего...

Лучшее доказательство централистской ориентации пакта даёт нам экономический раздел. Высший экономический совет, орган государства, состоящий из его представителей и делегатов профсоюзных организаций, монополизирует всё...

Государство, распоряжающееся армией, промышленностью, муниципалитетами и всей экономикой, также является собственником национализированной земли. Крестьяне же – всего лишь арендаторы... В соглашении НКТ и ВСТ закрепляют за государством... возможность издавать законодательство о коллективах и исключительное право вмешиваться в их дела. А также право определять, какие из них должны остаться, а какие – исчезнуть. Только те, что подстроились под законодательство, будут получать помощь от государства».

Наконец, Пейратс отметил, что, с точки зрения традиционной оппозиции анархистов государству как таковому, в этом пакте НКТ «начинает с того, что меняет своё неизменно непримиримое отношение к государству на обычное определение формы правления. Она

выступает только против тоталитарной формы государства и забывает урок, который говорит, что всякое правительство является оплотом тоталитаризма...»З

Единственной существенной уступкой со стороны ВСТ в этом документе было заявление, что он не будет возражать против возвращения НКТ в республиканское правительство. Как мы видели, значение этой уступки оказалось сомнительным.

Если подвести итог, анархическая рабочая организация сдала многие свои позиции в этом пакте, заключённом с другой главной профсоюзной организацией, которая к тому времени находилась под влиянием сталинистов и их попутчиков. Этот пакт отводил защите коллективов, созданных на начальном этапе Гражданской войны, и профсоюзному контролю второе место, делая упор на государственном регулировании ключевых компонентов экономики, как на республиканском, так и на муниципальном уровне. Этот документ несомненно ослаблял положение НКТ в попытках защитить контроль, установленный её членами над значительной долей экономики. За возвращение в республиканское правительство с второстепенной ролью, за ограниченное влияние на общий ход войны и революции НКТ пришлось заплатить высокую цену, обозначенную в этом «соглашении» с ВСТ.

Политическое уничтожение Индалесио Прието

Меньше чем через месяц после заключения пакта НКТ-ВСТ последовало устранение из правительства последнего крупного политика, выступавшего против неограниченной власти сталинистов, – министра обороны Индалесио Прието. Несмотря на свою длительную оппозицию Прието, анархисты пытались предотвратить его отставку, которая была предопределена практически с того момента, когда он способствовал падению Ларго Кабальеро и был награждён за это Министерством обороны.

Почти полтора десятилетия Индалесио Прието объединял вокруг себя тех членов Социалистической партии, которые были недовольны Франсиско Ларго Кабальеро. В месяцы накануне Гражданской войны, когда Ларго Кабальеро говорил о возможности объединения Социалистической и Коммунистической партий, Прието, контролировавший партийный аппарат, решительно выступал против этой идеи и в целом против заигрывания кабальеристов с коммунистами.

Однако после начала Гражданской войны, и особенно после создания правительства Ларго Кабальеро, Прието объединил свои силы с коммунистами, которые быстро стали главными противниками начавшейся революции анархистов и левых социалистов. Прието также испытывал к ней мало симпатии – в отличие от Ларго Кабальеро. Когда министры-коммунисты покинули кабинет в мае 1937 г., поддержка со стороны Прието сыграла решающую роль в отставке Ларго Кабальеро и назначении на его место Хуана Негрина.

Сразу после смещения правительства Ларго Кабальеро Коммунистическая партия Испании и национальное руководство социалистов – в котором преобладали сторонники Прието – заключили «пакт об альянсе». Это было соглашение из 16 пунктов, составленное в несколько расплывчатых выражениях и предусматривавшее создание координационного комитета для объединения действий двух партий⁴.

Коммунисты определённо рассматривали этот пакт как шаг к образованию единой партии пролетариата, которая продолжит курс ОСПК и «Объединённой социалистической молодёжи».

Однако союз Прието с коммунистами оказался недолговечным. Желания уступить коммунистам и их коминтерновским и советским покровителям полный контроль над республиканской Испанией у него было не больше, чем у Ларго Кабальеро. И тем более он не собирался допустить доминирования коммунистов в республиканских вооружённых силах.

Индалесио Прието выступил с отчётом о своём пребывании в правительстве Негрина на пленуме Национального комитета Социалистической партии в августе 1938 г. Позднее его доклад был издан под названием «Как и почему я покинул Министерство обороны». Здесь подробно описываются его попытки предотвратить триумф сталинистов в Республике и последствия его сопротивления.

Прието говорит, что перед одним из первых заседаний правительства Негрина, на которых он участвовал в качестве министра обороны, два министра-коммуниста, Висенте Урибе и Хесус Эрнандес, пришли к нему в кабинет и сказали, что хотели бы встречаться с ним каждый день, чтобы сообщать ему позицию Политбюро Коммунистической партии по текущим вопросам. Прието ответил им:

“ «Вы ошибаетесь, если думаете, что сможете продолжать со мной борьбу, которую вы вели с Ларго Кабальеро... Вам не удастся управлять мной, и я не допущу таких пререканий, какие были у вас с Ларго Кабальеро на злополучных заседаниях кабинета»⁵.

Одной из первых проблем, по которым Прието столкнулся с коммунистами, было их преобладающее влияние в комиссарском составе вооружённых сил. Чтобы исправить ситуацию, он предложил в Высшем военном совете назначить на комиссарские должности значительное число некоммунистов, но член совета от коммунистов при поддержке Негрина заблокировал это предложение⁶.

Прието утверждал, что вскоре после встречи с Урибе и Эрнандесом коммунисты начали кампанию, требуя его отставки с поста министра обороны. К марту 1938 г. их атаки стали открытыми. Хесус Эрнандес, писавший в коммунистическом издании «Frente Rojo» и в барселонской газете «La Vanguardia» под псевдонимом Хуан Вентура, подвергал министра обороны резкой критике.

Когда Прието поднял этот вопрос перед Исполнительной комиссией Социалистической партии и фактически потребовал отставки Эрнандеса за нарушение правила, согласно которому члены кабинета не должны были критиковать друг друга на публике, вмешался Хуан Негрин. «Я не могу обойтись без коммунистов, – сказал он, – потому что они представляют весьма значительный фактор в международной политике и потому что отстранить их от власти было бы нецелесообразно по внутренней обстановке; я не могу обойтись без них, потому что их единомышленники за границей – единственные, кто оказывает нам действительную помощь, и потому что мы рискуем лишиться помощи от СССР, нашей единственной реальной поддержки в получении военных материалов. Но точно так же, как я не могу обойтись без коммунистов, я заявляю, что ни минуты не смогу оставаться премьер-министром, если Прието не будет министром обороны»⁷. Это было 26 марта, за полторы недели до того, как Негрин переформировал правительство, исключив из него Прието.

Прието вспоминал свои конфликты с советскими специалистами в различных родах войск. Он особенно отмечал случаи, когда советские офицеры отменяли данные им приказы, в частности на флоте и в воздушных силах⁸.

Давление сталинистов с целью устранения Индалесио Прието из правительства продолжалось значительное время. Сальвадор де Мадарьяга утверждал, что за несколько недель до отставки Прието «поставки из Москвы начали истощаться, что окончательно прояснило вопрос». После его ухода, «с точностью часового механизма, поставки вновь начали поступать... через несколько недель после изгнания дона Индалесио Прието из кабинета Барселона, беззащитная перед недавними германскими налётами, лицезрела впечатляющий полёт русских самолётов»⁹.

Прието описал визит лидеров НКТ, пришедших выразить ему поддержку, когда правительственный кризис, который привёл к его отставке, уже начался. Гало Диес, Орасио Прието и Сегундо Бланко пришли к нему поздно ночью. По их словам, они направили Негрину заявление, в котором говорилось, что хотя они и желают быть представленными в правительстве, но, ввиду продолжающихся поражений республиканцев в Арагоне, они считают любые изменения в правительстве нежелательными и поддерживают Прието на должности министра обороны. Они также сообщили, что республиканские партии выразили ему свою поддержку. Прието ответил, что Исполнительная комиссия Социалистической партии только что одобрила его пребывание в министерстве; оставались только коммунисты, которые требовали его отставки¹⁰.

Прието утверждает, что Негрин не проинформировал его о том, что он был отправлен в отставку, и он узнал об этом из газет¹¹.

Прието цитирует обращение социалиста, командира 61-й бригады резервной армии, направленное в Министерство обороны и Исполнительную комиссию партии, где давалась характеристика тому, как поступили с Прието. Подполковник Франсиско Гарсия Лавид писал:

█

«Те самые элементы (коммунисты), которые до вчерашнего дня превозносили вас, товарищ Прието, даже больше, чем мы, перешли к нападению на вас... Те люди, которые ранее возвысили фигуру Ларго Кабальеро, а потом сбросили его и оклеветали; те же самые восхваляли Прието, а потом приписывали ему такие вещи, на которые был неспособен не только наш товарищ, но и вообще никто...»¹²

Удаление Индалесио Прието из правительства Негрина означало устранение последнего влиятельного политика, который сдерживал рвавшихся к власти коммунистов. Пальмиро Тольятти, основной представитель Коминтерна в Испании, отмечал «сектантскую» позицию многих коммунистов того времени, настаивавших на том, чтобы Коммунистическая партия полностью взяла под контроль Министерство обороны. Тольятти утверждал, что он не позволил осуществить эту идею¹³.

Однако усомниться в «умеренности» Тольятти нас заставляет один факт, на который указывает Сальвадор де Мадарьяга: после того, как Прието был отправлен в отставку и пост министра обороны перешёл к самому Негрину, последний поставил «во главе трёх департаментов – военного, флота и авиации – субсекретарей-коммунистов; он передал Министерство иностранных дел сеньору Альваресу дель Вайо, который назначил себе заместителя-коммуниста и вообще уступил коммунистам руководство министерством; и хотя он потерпел неудачу в своём намерении назначить коммуниста Хесуса Эрнандеса на место генерального комиссара [Народной] армии, он сделал его генеральным комиссаром армии Центра, составлявшей около четырёх пятых от целого»¹⁴.

Устранение республиканцев и регионалистов

Вскоре даже менее значительные противники сталинистов должны были покинуть правительство Негрина. Пятым элементом в республиканской политике времён Гражданской войны – наряду с анархистами, коммунистами, правыми и левыми социалистами – были республиканцы всех видов и оттенков. К ним относились общенациональные партии «Левые республиканцы» (ЛР) и Республиканский союз (РС) и каталонские и баскские националисты на региональном уровне. Эти группы по большей части были отстранены сталинистами от решения политических вопросов к концу второго года Гражданской войны.

Сам факт того, что в начале Гражданской войны «спасителями» республиканского дела на значительной части Испании стали профсоюзные группы и связанные с ними политические партии, резко снизил политическое влияние общенациональных республиканских партий, ЛР и РС. Хотя Мануэль Асанья из «Левых республиканцев» оставался президентом Республики почти до конца войны, а Диего Мартинес Баррио из РС продолжал оставаться председателем кортесов даже после окончания конфликта, их партии не шли ни в какое сравнение с профсоюзными и политическими организациями, за которыми шли рабочие и

крестьяне.

Позиции каталонских и баскских националистических партий были значительно более сильными, по крайней мере в первый год Гражданской войны. Баскская националистическая партия (БНП), как мы уже упоминали, занимала ведущее положение в региональном правительстве, созданном в начале войны. «Левые республиканцы Каталонии» (ЭРК) также какое-то время сохраняли влияние среди среднего класса своего региона.

Однако в итоге влияние регионалистских партий также было подорвано. Приблизительно через год после начала Гражданской войны Страна Басков была завоёвана силами Франко, в результате чего значение баскских националистов, бежавших на другие лоялистские территории, стало скорее символическим, чем реальным.

С другой стороны, «Левым республиканцам Каталонии» серьёзно вредило то, что сталинистская ОСПК страстно выступила в защиту городского среднего класса и мелких сельских собственников, которые прежде являлись основной социальной базой Луиса Компаниса и его сторонников. Кроме того, после Майских дней, когда к правительству Республики перешёл контроль над войсками и силами общественного порядка Каталонии, власть каталонского регионального правительства оказалась существенно ограничена. А через некоторое время, когда НКТ была вытеснена из этого правительства, у власти осталась коалиция ЭРК и ОСПК – коалиция, в которой власть каталонских республиканцев неуклонно ослабевала до самого окончания войны в Каталонии.

Гомес Касас, говоря о времени после майских событий, отмечал:

“ «Парадокс теперь стал очевидным. Автономное правительство Каталонии было связано с существованием сильного федералистского движения, такого как анархисты (НКТ), в Каталонии. С другой стороны, преобладание сталинизма создало объективные условия для разрушения автономных регионов. Нейтрализация каталонской автономии внесла свой вклад в разложение, которое предшествовало катастрофическому краху сопротивления перед лицом наступления националистов в конце 1938 г.»¹⁵.

Мануэль Круэльс отмечает, что ЭРК «последовательно утратили своё влияние на каталонское общество тогда же, когда они, во время Майских дней, потеряли свой единственный политический шанс в условиях войны. Этот шанс для них заключался в том, чтобы оставаться арбитром между анархистами и людьми из III Интернационала»¹⁶.

Адольфо Буэсо относит упадок каталонского регионального правительства, а следовательно и влияния каталонских регионалистских партий, ко времени переезда республиканского правительства в Барселону в конце 1937 г.:

“ «Вместе с правительством и его аппаратом сюда, естественно, прибыли и многочисленные силы общественного порядка, которые буквально подавили силы Хенералидада. Присутствие центрального правительства по сути

сокрушило правительство Хенералидада. Русские отдавали приказы правительству Негрина, и оно мстило, лишив власти правительство Компаниса»¹⁷.

Ещё в феврале 1937 г. Франц Боркенау предвидел возможность поглощения республиканских партий сталинистами:

“ «В настоящее время нет, и не было с начала гражданской войны, совершенно никаких различий между “Левыми республиканцами”, партией несоциалистических республиканцев, и коммунистами... Сегодня к объединению коммунистов с “Левыми республиканцами” могло бы быть даже меньше препятствий, чем к их объединению с социалистами»¹⁸.

Хотя подобного объединения партии Асанья со сталинистами не произошло, ортодоксальные республиканские партии среднего класса постоянно теряли свои позиции в политике лоялистской Испании. Анархист Ласарильо де Тормес в конце 1937 г. дал верный анализ положения республиканских партий: «Делая, как обычно, ошибку, партии, представляющие мелкую буржуазию, объединили свои действия с коммунистами, потому что они приняли начавшееся движение последних в сторону государства за признак лояльного правительственного сотрудничества. Они не увидели, и до сих пор не видят, что в действительности это было завоевание»¹⁹.

Однако этот же автор отмечает, что после создания правительства Негрина республиканские партии проявили беспокойство по поводу усиления коммунистов за их счёт.

“ «Издание “Политика”, официальный орган Партии левых республиканцев, в последние дни много говорит о том, что их партия стоит в первых рядах тех, кто выступает против любых попыток диктатуры. Другие партии и особенно другие издания, которые если и не являются полуофициальными органами какой-либо политической и профсоюзной организации, то представляют широкое общественное мнение, высказались в том же смысле...»²⁰

Эту утрату влияния всеми партиями, кроме коммунистов, остро ощущал президент Мануэль Асанья, основатель и воплощение партии «Левых республиканцы». В его мемуарах есть следующий отрывок, относящийся к 12 мая 1938 г.:

“ «...Президент Республики не имеет возможности изменить политику, если он считает это целесообразным, поскольку все командные должности заняты коммунистами, и они будут сопротивляться. Назначения делаются из списка, который даётся Негрину и который включает неизвестных Негрину людей...» Асанья отказался назначить Индалесио Прието, недавно потерявшего пост министра обороны, послом в Мексике, объяснив ему: «Вы нужны здесь. Я не могу оставаться узником Негрина... Я думаю, что Негрин принял для себя

меры предосторожности. Распоряжения, без подписи, о передаче средств, размещённых в русском банке...»²¹

Позднее, в августе 1938 г., Асанья протестовал против казней, совершённых правительством Негрина без его согласия. 12 августа он узнал только о 58 таких казнях, прочитав о них в прессе²².

Похожим образом складывались отношения сталинистов с «Левыми республиканцами Каталонии». Уже в июле 1937 г. нью-йоркская анархическая газета «Испанская революция» отмечала: «Граница, разделяющая ЭРК и Коммунистическую партию Каталонии, очень тонка. Даже Брейлсфорд, прокоммунистический корреспондент “New Republic”, был вынужден признать, что “значительная доля членов этой партии пришла из ЭРК”. И эта граница должна будет исчезнуть в той или иной форме тоталитарного слияния двух партий, которого требует экономика государственного капитализма»²³. Такого слияния не произошло, но с каждым месяцем войны позиции ЭРК ослабевали, к выгоде ОСПК.

Окончательное поражение каталонских и баскских региональных партий наступило в августе 1938 г. Премьер-министр Хуан Негрин провёл через кабинет три декрета, против которых решительно выступали министры-националисты. Как пишет Хосе Пейратс: «Пресса упоминала три декрета, один о национализации военной промышленности, другой о милитаризации портов и третий о реформе комиссариата»²⁴. Мануэль де Ирухо, министр без портфеля от БНП, и его коллега Хайме Айгуаде, министр труда и социального обеспечения от ЭРК, подали в отставку в знак протеста против этих декретов, уничтожавших, по их словам, последние остатки региональной автономии²⁵.

Негрин хотел сохранить видимость того, что каталонские и баскские регионалисты представлены в его правительстве. Он назначил на место каталонского представителя Хосе Моша, члена ОСПК, тем самым увеличив фактическое представительство сталинистов. Взамен Ирухо Негрин назначил Томаса Бильбао из малочисленной партии «Баскское националистическое действие», которого Пейратс называет «негринистом»²⁶.

Баскский националист Хесус де Галиндес утверждал, что во время правительственного кризиса в августе 1938 г. коммунисты совершили настоящий государственный переворот. Он говорил, что в Барселону, где размещалось республиканское правительство, отправили танки, чтобы взять город под контроль и припугнуть анархистов. В это время, по его словам, за границей ходили слухи о предстоящей попытке сместить правительство Негрина. «La Vanguardia» опубликовала статью, где приводился состав нового кабинета во главе с Хулианом Бестейро, правым социалистом и антисталинистом. Галиндес утверждал, что коммунистические войска, пришедшие в Барселону с фронта, помешали новому правительству прийти к власти²⁷.

Однако сразу после августовского правительственного кризиса состоялось политическое мероприятие, которое в дальнейшем повлияло на ход последних месяцев Гражданской войны, – пленум Национального комитета Социалистической партии. На нём прошли дебаты между премьер-министром Негрином и смещённым министром обороны Индалесио Прието, и, согласно Пальмиро Тольятти, в состав высшего руководства партии были включены

сторонники Прието и Кабальеро, а также Хулиан Бестейро, которые немедленно «сформировали общий фронт враждебности к Негрину»²⁸.

Цензура анархической прессы

Сталинисты не обошли вниманием анархистов в своей борьбе за абсолютную власть над Республикой. Как мы уже видели, анархисты были вытеснены из республиканского, а затем и из каталонского правительства, и когда они вновь были допущены в республиканский кабинет, их присутствие было скорее декоративным, чем дающим реальную власть.

После того, как анархисты были устранены из правительств, сталинисты больше не шли на открытую конфронтацию с НКТ-ФАИ, но им удалось серьёзно подточить позиции анархистов в экономике и подорвать их опору среди рабочего класса и крестьянства республиканской Испании. Нигде это не было более заметно, чем в цензуре, которой подвергалась анархическая пресса.

Бруз и Темим комментируют политику правительства Негрина в отношении печати:

“ «Эта репрессивная политика, однако, не становилась достоянием гласности. Как и до революции, профсоюзные митинги должны были проводиться с разрешения делегата по общественному порядку, по запросу, поданному по крайней мере за три дня. Как и до революции, цензура, вначале оправдывавшаяся военной необходимостью, теперь применялась по политическим мотивам. 18 мая “Вперёд” впервые вышла с пустой первой страницей, под заголовком “Да здравствует Кабальеро!”. 18 июня правительство ввело монополию на радиотрансляции и конфисковало передатчики в различных организациях. 7 августа «Рабочая солидарность» была приостановлена на пять дней за то, что, в нарушение цензурных предписаний, оставляла пробелы в местах, подвергнутых цензуре: цензура работала и требовала, чтобы от её действий не оставалось никакого следа. 14 августа циркуляр запретил любую критику русского правительства. В нём говорилось: “С настойчивостью, предполагающей план, намеренно разработанный для оскорбления единственной дружественной нации, создавая трудности для правительства, различные газеты высказывались об СССР в такой манере, которая непозволительна... Это в высшей степени предосудительное своеволие не может быть допущено Советом цензоров... Любая газета, не выполняющая данное условие, будет приостановлена на неопределённый срок, даже если она прошла цензуру, и в последнем случае цензор предстанет перед особым трибуналом, рассматривающим дела о саботаже”. Цензура, так же как полиция и радио, сыграла активную роль в расколе ВСТ, систематически “вырезая” заявления исполкома Кабальеро или статьи НКТ, посвящённые этому вопросу»²⁹.

Цензура анархических публикаций облегчалась тем, что все анархисты были устранены из цензурного аппарата, в котором они участвовали, пока он работал лишь для защиты военных тайн. Гельмут Рюдигер в конце 1937 г. писал:

“ «7 августа последний из наших товарищей, на которых мы могли полагаться в цензуре, был уволен...»³⁰

Задолго до создания правительства Негрина коммунисты доминировали в цензурном аппарате республиканского правительства. Дэвид Каттелл, историк коммунистов в Гражданской войне, имеющий определённую склонность оправдывать их действия, подтверждает это:

“ «Результатом коммунистического контроля над цензурой было то, что изменой и помощью Франко стало считаться всё, что говорилось в прессе против коммунистов и русских. Коммунисты, с другой стороны, могли печатать оскорбления в адрес любых групп и лиц, каких хотели, и они свободно делали это в отношении ПОУМ, анархистов и различных министров, утративших их благосклонность»³¹.

Характер цензуры анархических публикаций отчётливее всего проявлялся в mimeографированном «Информационном бюллетене» (Boletín de Información), который практически ежедневно издавался НКТ и ФАИ в Барселоне. Первый выпуск этого издания, на котором стояла пометка «Этот номер прошёл проверку цензурой», появился 25 сентября 1937 г. После этой даты содержание «Бюллетеня» примечательным образом меняется.

С мая по сентябрь в нём велась резкая критика Коммунистической партии и ОСПК, некоторые статьи критиковали правительство Негрина. Была опубликована статья, выступавшая против цензуры иных анархических изданий (№ 302, 6 июля 1937 г.); решительно защищалась Железная колонна НКТ на Теруэльском фронте, подвергавшаяся нападкам коммунистов (№ 330, 7 августа 1937 г.); высказывались бурные протесты против разгона Совета Арагона режимом Негрина.

После наложения цензуры из «Бюллетеня» полностью исчезла критика в адрес сталинистов и правительства Негрина. № 389 от 16 октября 1937 г. включал статью, в которой подчёркивалась необходимость осуществлять революцию «медленно».

С изданием стали происходить странные вещи, отражавшие давление цензоров, которое должны были испытывать редакторы. Печатались неискренние статьи, восхвалявшие Советский Союз, каких раньше здесь никогда не было. Была напечатана статья, сравнивавшая революции в России и Испании, с робкой попыткой поставить испанскую революцию выше большевистской (№ 458, 5 января 1938 г.). Была напечатана странная статья, предсказывавшая раздел мира между Соединёнными Штатами, СССР и Японией (№ 445, 18 декабря 1937 г.).

После введения цензуры было много случаев, когда цензоры явно запрещали материал, неприемлемый для них по политическим соображениям. В одном случае исчезла целая страница (№ 408, 8 ноября 1937 г.).

Хотя «Бюллетень» продолжал публиковать благоприятные отзывы о городских и сельских коллективах, было очевидно, что цензоры не позволяли публиковать в этом анархическом издании какой-либо политический материал, содержащий критику сталинистов или правительств, находившихся тогда у власти в Республике и Каталонии.

По-видимому, какое-то время у анархистов ещё оставались нелегальные издания, выходившие без одобрения официальной цензуры. Гельмут Рюдигер в конце 1937 г. упоминал два из них: «Анархия» и «Свобода».

“ «Они... использовали более честный язык и вообще выражали всё то, что они чувствовали и думали на самом деле, но не могли опубликовать из-за цензуры, особенно разоблачения и критику коммунистов, а также более или менее скандальные откровения о некоторых лидерах той партии...»³²

Наступление правительства и сталинистов на коллективы

Разумеется, правительство Негрина не скрывало того, что оно категорически несогласно с захватами земли крестьянами и городских предприятий рабочими, которые произошли после 19 июля 1936 г. Одним из фронтов, на которых анархистам пришлось особенно упорно сражаться после исключения из республиканского и каталонского правительств, была защита экономической революции, совершённой рабочими и крестьянами на начальном этапе Гражданской войны.

Правительство Хиралья в самом начале войны издало декрет о «национализации» всех предприятий, брошенных сочувствующими мятежникам³³. Конечно, в то время эта мера практически не имела значения, поскольку в действительности предприятия уже были захвачены рабочими. Однако правительство Негрина собиралось установить реальный государственный контроль над промышленными предприятиями и другими компонентами экономики.

Для этого Хуану Негрину необходимо было подавить рабочие коллективы. Беседуя с Луисом Фишером вскоре после вступления в должность премьер-министра, Негрин отмечал тяжёлое финансовое положение многих коллективов:

“ «Они приходят ко мне, чтобы покрыть расходы и получить сырьё. Мы пользуемся их трудностями, чтобы получить контроль над заводами. Каталонская промышленность находится в хаосе, и, как результат, нам

приходится во многом зависеть от импортных товаров, которые, как вы знаете, дорогие, даже когда мы можем получить их»³⁴.

Премьер-министр Негрин открыто выражал свою оппозицию коллективам. На интервью иностранным корреспондентам 31 марта 1938 г. он сказал:

“ «Если правительство ничего не сделало и не приняло никакого постановления в отношении коллективов, как оно может повлиять на их работу? Понятие частной собственности никто не отменял, насколько мне известно»³⁵.

Диего Абад де Сантильян отмечает два декрета правительства Негрина, которые ясно свидетельствовали о его негативном отношении к сельским и городским коллективам. Первым был декрет Главного управления промышленности Министерства финансов, датированный 17 марта 1938 г.

“ «Только правительство имеет право проводить конфискацию собственности; следовательно, все захваты, которые были произведены без его согласия, не имеют силы, и предприятия должны быть возвращены их прежним владельцам, если они не мятежники, в каком случае они будут переданы Кассе репараций»³⁶.

Второй декрет, изданный тем же управлением, гласил:

“ «Первым шагом вмешательства (интервенции) на каком-либо предприятии должен быть вызов законного собственника фирмы. Если это лицо является лично или отправляет законного представителя, интервентор добывающего, промышленного, торгового, сельскохозяйственного, продовольственного или иного предприятия не имеет иного выбора, кроме как признать его... До сих пор ни в одном случае не были признаны действительными какой-либо документ или какой-либо право собственности кроме тех, что существовали до 19 июля 1936 г. Если такая собственность принадлежит мятежнику, она переходит к Кассе репараций»³⁷.

После того, как правительство Негрина переехало в Барселону в октябре 1937 г., оно начало проводить на практике политику, выраженную в этих двух декретах. Оно начало национализацию некоторых коллективов, которые были созданы рабочими, чьи бывшие хозяева примкнули к мятежникам. Коллективы на этих предприятиях были легализованы каталонским правительством, принявшим декрет о коллективизации, и комиссия по применению этого декрета официально протестовала против мер республиканского правительства как нарушающих каталонскую автономию³⁸.

Правительство Негрина повело на коллективы, особенно в Каталонии, атаки и другого рода. Оно оштрафовало многие из них на том основании, что они не уплатили гербовый сбор,

установленный республиканским законом для всех корпораций. Орган, отвечавший за проведение каталонского закона о коллективизации, вновь выразил протест, указывая на то, что коллективы являются новой формой экономической организации и не должны облагаться гербовым сбором с корпораций (см. главу 17)³⁹.

Хосе Пейратс говорил по поводу экономической политики правительства Негрина:

“ «Инициатива правительства по национализации промышленности должна интерпретироваться как естественная реакционная тенденция государства, которое даже в высшей точке революции всегда оставляет за собой последнее слово. В Испании эта государственническая тенденция сохранялась и после 19 июля. После мая 1937 г. она приобрела признаки настоящей мести. Начались конфискации и реквизиции под предлогом централизации предприятий, связанных с военным производством, или необходимости осуществлять строгую и постоянную координацию военной промышленности. В действительности это наступление вдохновлялось желанием аннулировать или отобрать завоевания рабочих. С этой же целью очернению подвергались коллективы, синдикаты, комитеты фабрик и предприятий, которые обвинялись во всевозможных пороках, от некомпетентности и лени до умышленного саботажа, в которых на самом деле были повинны одни лишь интервенционисты-представители правительства. Официальный саботаж был непременным условием, призванным оправдать желаемую и наступавшую впоследствии интервенцию...»

В главе 18 я рассматривал борьбу в связи с ликвидацией правительством рабочего контроля на «военных предприятиях». Однако данный процесс вовсе не остановился на этих, наиболее важных предприятиях.

Сразу после майских событий в Барселоне ОСПК начала кампанию, требуя: «Коммунальные службы и транспорт должны управляться муниципалитетами, а не профсоюзами... Общий интерес всего городского населения стоит выше частных интересов рабочих союзов». «Рабочая солидарность» выступила с предостережением по поводу этой кампании, которая не принесла немедленного успеха, но несомненно предвещала наступление сталинистов на рабочий контроль в каталонской экономике⁴⁰.

Переехав из Валенсии в Барселону, правительство Негрина оказалось в более выгодном положении для того, чтобы срывать работу коллективов и разрушать их. Анархист Андрес Капдевила, председательствовавший в Совете экономики Каталонии до Майских дней, отмечал, что, задолго до окончательной национализации военной промышленности правительством, Субсекретариат снабжения Министерства национальной обороны использовал военные закупки как средство ослабления коллективов. Если предприятие принадлежало частному собственнику, субсекретариат был готов предложить ему контракт на выгодных условиях. Если же оно было коллективным, чиновники субсекретариата находили всевозможные предлоги отказать ему в контракте и часто доходили до

оскорбления выборных руководителей таких предприятий, говоря, что не будут иметь дела с ворами, присвоившими чужую собственность.

Одновременно глава ОСПК Хуан Коморера, ставший советником по экономике после ухода анархистов из каталонского правительства, нашёл собственные способы саботировать коллективы. Одним из важных шагов в этом направлении стало резкое понижение статуса Совета экономики. Порядок работы, утверждённый Коморерой 14 августа 1937 г., объявлял Совет «совещательным органом, подчинённым советнику по экономике». Новый состав Совета должен был подчеркнуть эту тенденцию: он включал пять представителей правительства, от департаментов финансов, экономики, сельского хозяйства, снабжения, общественных работ и труда, трёх членов ЭРК, трёх – НКТ, трёх – ВСТ, двух – ФАИ и по одному – «Каталонского действия», Союза рабасайрес и Конфедерации кооперативов Каталонии; ПОУМ была лишена своего представительства⁴¹.

Нападение на коллективы шло в русле общей экономической политики, которая навязывалась Коморерой и его партией. Мартин Круэльс говорит по поводу этой политики:

“ «Совпадая с этим ускоренным ритмом политической централизации... в Каталонии начала развиваться спекулятивная частная экономика...

Вернулись старые спекулянты, раньше маскировавшиеся под пролетариев, и появились другие, рождённые новой политической ситуацией, которая выставила напоказ традиционное неравенство между нуворишами и бедняками... Это неравенство постепенно становилось раздражающим, по мере того как начинала ощущаться нехватка самых необходимых продуктов питания...

Это разделение на привилегированных и непривилегированных после Майских дней начало, в свою очередь, влиять на ОСПК, которая возглавляла новый курс или, по крайней мере, допускала его, как арбитр каталонской политики в тот период. Его следствием стало то, что каталонские коммунисты... несмотря на их попытки планировать сопротивление и ход войны, привыкли проводить политику, терпимую по отношению к спекулянтам и вообще к среднему классу...»⁴²

Однако притеснение каталонских коллективов не ограничивалось этими общими аспектами экономической политики, которую навязывали региону Коморера и ОСПК. Согласно каталонскому декрету о коллективизации, и управляющие коллективизированных предприятий, и интервенторы, представлявшие на таких предприятиях каталонское правительство, должны были избираться общим собранием коллектива и затем утверждаться советником по экономике. Коморера много раз отказывался утверждать избранных лиц и иногда пытался назначить тех, кого выбрал он сам, особенно в случае интервенторов. По словам Андреса Капдевилы, многие из этих людей подозревались в нелояльности республиканскому делу, но укрепили своё положение, вступив в ОСПК. Кроме того, Коморера отступил от декрета о муниципализации всего жилого фонда, принятого каталонским правительством в начале войны, и начал возвращать дома их прежним

владельцам⁴³.

Коморера перешёл в наступление на коллективы и в том секторе, который определён было далёк от военной промышленности. Хосе Пейратс отмечает: «19 января 1938 г. в “Официальных ведомостях” Хенералидада был опубликован личный приказ (как подчёркивала “Рабочая солидарность”) советника по экономике автономного правительства. Согласно ему, зрелищные заведения в Каталонии должны были быть конфискованы, кроме тех, что уже подверглись муниципализации». Рабочие, которых затронула эта мера, немедленно объявили забастовку; конфликт был «разрешён» 1 февраля, когда Коморера назначил комиссию по интервенции из четырёх человек – трёх сэнэтистов и одного члена ОСПК. Как пишет Пейратс, анархисты всё ещё сохраняли контроль над зрелищными заведениями региона, но теперь в качестве делегатов правительства⁴⁴. Работники были лишены права выбирать своих руководителей.

Наступлению Комореры на коллективы содействовал декрет о специальных интервенциях, изданный Хенералидадом 20 ноября 1937 г. Он позволял советнику по экономике назначать «интервенторов-делегатов», чьи полномочия, согласно Жозепу Марии Брикалю, включали в себя

“ «не только ревизии и официальный надзор, но и фактическое руководство экономической деятельностью»⁴⁵.

“ «После принятия декрета, введившего эту должность, долго ждать интервенций не пришлось: к концу первого квартала 1938 г. более пятнадцати крупных предприятий и секторов экономики были интервенированы. С продолжением войны интервенции становились всё более многочисленными...»⁴⁶

“ «Стремительное введение специальных интервенций в промышленности придавало каталонской экономике новую, более жёсткую организацию, очевидно в централизованной форме... В некоторых случаях совет предприятия распускался и специальная интервенция принимала абсолютную форму – руководство предприятием полностью переходило к специальному интервентору»⁴⁷.

Эти нападения на позиции анархистов в экономике вовсе не ограничивались одной Каталонией. В декабре 1937 г. мадридский ежедневник НКТ «Свободная Кастилия» (Castilla Libre), сообщал, что НКТ ранее была вынуждена передать правительству много недвижимого имущества, которое было захвачено ею в начале войны, после того как оно было брошено своими владельцами. Теперь, говорила газета, это имущество возвращают старым хозяевам, которые продолжают взимать с него арендную плату, как до Гражданской войны⁴⁸.

Когда республиканское правительство переехало в Барселону, оно присоединилось к нападениям на рабочие коллективы в Каталонии. Гомес Касас отмечает наиболее важный шаг:

“ «15 апреля 1938 г. правительство Негрина опубликовало декрет о создании Генерального комиссариата электричества. Индалесио Прието предложил должность комиссара этого учреждения Хуану Пейро, который, с согласия Национального комитета НКТ, принял это назначение. К сожалению, правительство, в попытке нейтрализовать и разрушить творения революции, одновременно расформировало Объединённую службу электричества Каталонии. Новый комиссариат был вынужден назначить государственных контролёров в каждой компании, которая после этого автоматически возвращалась к своей прежней форме собственности – акционерное общество (sociedad anónima), а также распустить комитеты компаний и рабочие контрольные комитеты»⁴⁹.

Правительство использовало различные уловки, чтобы задушить коллектив рабочих-кожевников Каталонии. Через десять с лишним лет после окончания войны Х. Эсперанса описывал этот процесс:

“ «Определённые учреждения постоянно донимали нас формами и опросниками, которые не служили никакой цели, кроме того что выводили работников из себя, поскольку требовать от нас заполнить всё это – значило загубить наши старания работать свободно и добросовестно... Считая, что для нас достаточно было работать, выполнять наши обязательства по снабжению фронта и в максимальной степени развивать деятельность наших организаций, мы отталкивали от себя эту бумажную работу, которую навязывала нам вечно требовательная и нервная бюрократия государства».

Некоторые лидеры коллектива сталкивались с личными угрозами. Наконец, «они потребовали, чтобы мы распустили свой коллектив, уступив наши права государству, от чего мы вновь отказались. Тогда власти решили реквизировать кожи и дубильные экстракты, которые мы держали на границе, и другое сырьё, которое нельзя было достать в Испании, – всё это украли у нас, тем самым вызвав кризис в работе наших фабрик... Лишённые возможности работать, наши товарищи были неприятно удивлены присутствием войск на каждой из наших 27 фабрик и 6 складов. В течение пяти недель в наших зданиях днём и ночью размещался целый батальон, который должен был осуществить реквизицию». Войска конфисковали со складов коллектива всю готовую гражданскую продукцию, «что, конечно, не служило делу народа, но зато позволило разрушить наш коллектив»⁵⁰.

Преследование анархистов и других гражданских лиц

После мая 1937 г. анархистам приходилось думать не только о том, как защитить свои позиции в экономике и политике, но и том, как обеспечить себе личную безопасность. Начиная с середины 1937 г. они и другие оппоненты сталинистов стали жертвами масштабных репрессий. Их преследовала полиция, тысячи были арестованы, значительное число из них подверглось пыткам, и некоторые были убиты.

Интересная статистика процессов, происходивших после майских событий, представлена Жозепом Марией Брикалем. Он подсчитал, что с мая по декабрь 1937 г. каталонское правительство (в котором с конца июня преобладали сталинисты) потратило на тюрьмы и суды 3 074 037 песет, в сравнении с 395 454 песетами, потраченными по этой же статье с ноября 1936 г. по апрель 1937 г.⁵¹

Иностранные анархисты преследовались особенно свирепо. Гельмут Рюдигер в своём докладе на декабрьском конгрессе Международной ассоциации трудящихся 1937 г. сообщал:

“ «Преследование иностранных антифашистов в Испании началось с возмутительной кампании против ПОУМ, в рядах которой находилось значительное число иностранцев. Если в первые месяцы народного движения иностранному товарищу было достаточно иметь поручительство иностранной антифашистской организации... то после майских событий власти стали требовать официальные документы из стран происхождения иностранцев. Таким образом, гитлеровский паспорт или паспорт, выданный итальянскими фашистами, приобрёл большую ценность, чем лучшая документация от НКТ или ФАИ...

После Майских дней сотни иностранцев были помещены под стражу или оставлены на произвол судьбы, без какого-либо внимания правительства к их делам. Говоря в целом, тех, кто был связан с ОСПК – коммунистами, – оставляли в покое, а неорганизованных и сочувствующих НКТ депортировали, без причины или как “фашистов”. Ситуация этих иностранных товарищей была особенно тяжёлой, чему, по моему мнению, испанские товарищи никогда не придавали значения. Иностранные товарищи, которые приехали в Испанию, этим поступком сделали себя нежелательными лицами в своих “собственных” странах, не говоря уже об эмигрантах из фашистских стран, которые думали, что нашли в Испании приют, а теперь, после повторной депортации, остались бездомными скитальцами, стоящими в эмиграции перед лицом ещё больших трудностей, чем когда они уехали в Испанию...»⁵²

Это преследование облегчалось тем обстоятельством, что вскоре после Майских дней были окончательно распущены контрольные патрули – революционная полиция, созданная после 19 июля 1936 г. Это произошло 6 июня, и, как пишет Мануэль Круэльс, «тогда исчезли последние остатки революционных сил»⁵³. Поддержание общественного порядка возлагалось исключительно на регулярную полицию: Национальную республиканскую

гвардию (бывшую Гражданскую гвардию), Штурмовую гвардию, карабинеров и, в Каталонии, региональную полицию – мосос-д'эскуадра.

После их устранения из правительств Республики и Каталонии анархисты утратили практически всякое влияние, не говоря уже о контроле, в полицейских силах. Это резко контрастировало с ситуацией в первые месяцы Гражданской войны, когда у анархистов имелись не только патрули, но и важные посты в регулярной полиции. С июля 1936 г. по май 1937 г. член НКТ являлся, по крайней мере номинально, командующим Гражданской гвардии в Каталонии⁵⁴. Другой сэнэтист в этот же период возглавлял тайную полицию в Валенсии⁵⁵.

Служба военной информации (СИМ)

Наряду с этим, анархисты были полностью исключены из новой организации, которая была создана вскоре после назначения правительства Негрина и которая быстро стала самой могущественной и жестокой из всех сил «общественного порядка». Это была Служба военной информации (Servicio de Información Militar), или СИМ, которая почти полностью находилась в руках сталинистов, испанских и иностранных.

Служба военной информации была создана в августе 1937 г. министром обороны Индалесио Прието, по предложению «некоторых советских специалистов». Они представили ему проект декрета о создании СИМ, который он переписал, среди прочего потребовав, чтобы все назначения в службе производились им, как министром. Когда коммунист Дуран, назначенный главой СИМ в Мадридском регионе по рекомендации всё тех же советских «техников», от своего лица назначил агентами несколько сотен коммунистов, Прието отстранил его и отправил обратно командовать дивизией. Когда советский военный специалист пришёл протестовать и требовать возвращения Дурана в СИМ, Прието отказал ему.

Однако Прието не повезло с главой СИМ. Вначале он назначил на этот пост своего личного друга, которому эта работа не понравилась, и вскоре он оставил её. Затем Прието назначил подполковника-социалиста Урибарри, который вскоре сообщил министру, что получил от советского «техника» предложение «непосредственно и постоянно работать с ним, за вашей спиной». Хотя Урибарри сказал, что ответил отказом, Прието отмечает, что вскоре он «изменил своё поведение, не знаю, по чьему совету». После этого, пишет Прието:

“ «Я понял, что СИМ больше не подчиняется моим приказам»⁵⁶.

СИМ была не первым органом «безопасности», перешедшим под контроль сталинистов. Хосе Пейратс описывает случай Главного управления безопасности (Dirección General de Seguridad). Вначале предполагалось, что оно будет действовать под руководством Национального совета безопасности, «с прямым представительством антифашистских сил». Однако коммунист полковник Ортега, назначенный генеральным директором безопасности, вскоре добился роспуска этого совета, получив полный контроль над организацией.

Результатом, по словам Пейратса, стало то, что «главное управление было превращено в штаб “Партии”». В его залах и кабинетах на видных местах висели портреты Ленина, Сталина и «других великих людей из коммунистического сонма святых». При полковнике Ортеге в управлении работали многие агенты старой полиции, которые перед самым 19 июля находились под следствием как нелояльные Республике⁵⁷.

Хотя официально СИМ являлась «военным» учреждением, вскоре она стала всеохватывающим репрессивным органом. Пейратс перечисляет её тринадцать отделов: иностранный, авиации, сухопутных сил, флота, общественных работ, вооружения, экономический, юстиции, транспорта и связи, образования и зрелищ, политических партий и профсоюзных организаций, гражданского населения и Специальная бригада⁵⁸.

Пейратс пишет, что Специальная бригада СИМ «занималась арестами, допросами и пытками арестованных». Отмечая, что СИМ удалось устранить некоторых фалангистов, он добавляет:

“ «Нужно отметить, что это было сделано с помощью пыток. И те же самые методы применялись к антифашистским элементам, навлекшим на себя гнев тех, кто вдохновлял работу Спецбригады. Террор и мучение безоружных людей во всех без исключения случаях являются чудовищной бесчеловечностью, достойной проклятия»⁵⁹.

Хосе Пейратс и Диего Абад де Сантильян приводят многочисленные примеры пыток, которым СИМ подвергала своих жертв. Сантильян называет центры, в которых действовала СИМ: «В отеле “Колон” – барселонском штабе ОСПК, в Доме Карла Маркса, на Пуэрта-дель-Анхель, 24 и на Вилламайор, 5 в Барселоне, а также в монастыре Санта-Урсула в Валенсии, в замке Кастельдефельс, в Чинчилье и т.д., и т.д. совершались преступления, которые не имеют аналогов в истории испанской инквизиции...»⁶⁰ Пейратс комментирует:

“ «СИМ также использовалась как инструмент политического шантажа. Её агенты изучали частную жизнь лиц, которых она хотела контролировать или нейтрализовать. Если расследование выявляло какие-либо изъяны в моральном облике данного лица, ему угрожали сделать его личные слабости достоянием общественности, если он не выполнит определённых требований. СИМ также собирала государственные секреты в области дипломатии, промышленности и вооружений. Такого рода служба шла на пользу только Советскому Союзу...»⁶¹

“ «У СИМ имелись собственные концентрационные лагеря. Режим в этих исправительных лагерях был жестоким: скудная и малопитательная еда, работа, которая была не просто непосильной – изнурительной. К заключённым не допускались посетители...

Эти наказания применялись без разбора к фашистским заключённым и к антифашистским, к фалангистам и пятой колонне и к активистам ПОУМ и

Весь этот аппарат находился в руках сталинистов, говорит Пейратс. «Начальник, его секретари, руководители службы и администрация контролировались партией Сталина. Коммунистические агенты преобладали в наиболее важных отделах...»63

Таким образом, после вытеснения анархистов из республиканского и каталонского правительств сталинисты получили практически полный контроль над репрессивным аппаратом Испанской республики. Более того, эти органы использовались сталинистами для подавления всех, кто выступал против их доминирования в лоялистской Испании, будь то поумисты, левые социалисты или анархисты.

Абад де Сантильян писал от имени Федерации анархистов Иберии:

“ «Мы осудили эту идею, заявив, что таким путём мы не можем прийти ни к чему, кроме победы Франко, потому что это лишает нас поддержки народа. И мы не ошиблись. Если становилось известно что-либо конкретное об этих методах, это было только благодаря нам. Остальные партии и организации, хотя и возмущались, хранили молчание, потому что, говорили они, этого требовала война. Мы поняли, что война требовала обратного: прекращения этих ужасов, подготовленных и организованных русскими коммунистами, и строгого наказания тех, кто, на руководящих постах или в качестве простых орудий, посвящали себя делам, позорящим нашу войну и нашу революцию»64.

Преследование анархистов и других элементов в вооружённых силах

Коммунисты были особенно заинтересованы в том, чтобы получить полный контроль над вооружёнными силами Республики. Они понимали, что от этого в конечном счёте будет зависеть возможность установить в лоялистской Испании просталинский режим. Как следствие, преследование анархистов и других антисталинистов в вооружённых силах было ещё более ожесточённым, чем в гражданской жизни.

При этом сталинистами применялись различные методы. В главе 10 мы отмечали, что они, используя своё влияние в высших эшелонах Министерства обороны, пытались переводить офицеров из частей НКТ, ставить на их место коммунистов, а затем изолировать переведённых офицеров НКТ в политически враждебных частях – и эти усилия дали разные результаты в 26-й дивизии (бывшая колонна Дуррути) и 153-й бригаде (прежняя колонна «Земля и свобода»).

Однако там, где переводов оказывалось недостаточно, оппозиционные офицеры и солдаты часто сталкивались с угрозами, и эти угрозы нередко воплощались в жизнь. Согласно

докладу Полуостровного комитета ФАИ, составленному в октябре 1938 г.:

“ «...В настоящее время мы можем указать случаи, когда наши товарищи, оставшиеся без защиты со стороны нашей организации, окружённые на своих передовых позициях, соглашались присоединиться к Коммунистической партии... У наших товарищей сложилось впечатление, что гнусная политика Коммунистической партии получила полную свободу действий. Речь идёт не о нескольких случаях – тысячи и тысячи товарищей признавались, что они больше боятся быть убитыми противником, который рядом с ними, чем погибнуть в бою с врагом, который находится по ту сторону фронта»⁶⁵.

И Ларго Кабальеро, и Индалесио Прието, когда они руководили обороной, запрещали вербовку политических сторонников в вооружённых силах. Но сталинисты не обращали это внимания. К вышеупомянутому докладу ФАИ прилагался протокол совещания коммунистических офицеров на Арагонском фронте в марте 1938 г., на котором обсуждалось, насколько успешно продвигается набор новых членов партии в войсковых частях и как избавиться от офицеров, препятствующих этому. В конце совещания старший из присутствующих офицеров, А. Мерино, начальник штаба 142-й бригады, «вновь предложил формулу устранения, заявив: “Всё, что было сказано, очень хорошо, но я думаю, что выразился предельно ясно. Тот, кто стоит на пути, идёт в траншеи, раздаётся случайный выстрел, и в него попадают. Или его отводят к колючей проволоке, четыре выстрела, обвинение в дезертирстве, и мы можем быть уверены, что об этом никто не узнает”»⁶⁶.

Форма «вербовки», которую защищал Мерино, широко практиковалась коммунистами в республиканской армии. Тот же доклад Полуостровного комитета ФАИ приводил много подобных случаев. К примеру, говорилось, что «25 июня 1938 г. комиссар 43-й дивизии Максимо де Грасия направил министру обороны и генеральному комиссару армии обширный рапорт о работе коммунистов в той дивизии, когда она стояла в Пиренеях, связывая с этими манёврами итоговое поражение. В этом рапорте описывались убийства, угрозы убийства некоммунистических офицеров и солдат, вскрытие корреспонденции, аморальное поведение и т.п., и т.д. До сих пор ничего не было сделано, чтобы найти ответственных»⁶⁷.

Эти методы «вербовки» использовались сталинистами не только против анархистов. Один ветеран-социалист рассказывал мне много лет спустя о капитане, его однопартийце, который назначил своими помощниками двух молодых людей, не поинтересовавшись их политическими убеждениями. Спустя некоторое время этот капитан вызвал недовольство у некоторых коммунистов в его подразделении, которые приказали двум помощникам убить его. Вместо этого они пришли к нему, рассказали о своём членстве в партии и о полученном задании и предложили ему собрать вещи и уехать, чтобы они могли сказать, что не нашли его. Капитан так и поступил⁶⁸.

В армии было широко известно о том, как действуют сталинисты. Их методы запугивания, применявшиеся во многих частях, подрывали, а то и вовсе уничтожали мораль в войсках. Они также отвлекали некоммунистических офицеров и солдат от выполнения обычных

воинских обязанностей. Один ветеран из анархической колонны Ортиса (25-я дивизия), например, рассказывал мне, что, когда командующим одной из бригад дивизии был назначен коммунист, он и другой офицер-анархист спали по очереди, чтобы постоянно следить за любым подозрительным шагом, который мог предпринять комбриг69.

В период между битвой на Эбро и последним наступлением мятежников на Каталонию в республиканской армии участились случаи дезертирства. Адольфо Буэсо, профсоюзный активист ПОУМ, пытаясь выяснить причины этого, опросил многих солдат, которые покинули фронт, или были в отпуске в Барселоне, или лежали здесь в госпиталях. Среди названных ими причин, сообщал он, было явное предпочтение в снабжении не только оружием, но также униформой и мылом, которое отдавалось коммунистическим войскам перед другими. «Ещё одним поводом для недовольства была та наглость, с которой “хорошие задания” отдавались тем, кто имел билеты КП; но что вызывало наибольшее отчаяние, заставлявшее людей “возвращаться домой”, так это ужасное преследование и хладнокровные убийства коммунистами тех, кто не хотел служить их замыслам или имел поумистское или сэнэтистское прошлое...»70

Хосе Пейратс обращал особое внимание на ситуацию в госпиталях. Отметив несколько случаев злоупотреблений, совершённых коммунистическими врачами и медицинским персоналом, он цитирует записку Полуостровного комитета ФАИ от 18 июля 1938 г., в которой, помимо прочего, говорилось:

“ «С ранеными обращаются так, как пожелают врачи, и если персонал госпиталя настроен против них, их не лечат. Наши профсоюзные делегаты в военном госпитале Валькарки поведали нам о действительно чудовищных случаях. Раненых оставляли без лечения один день, другой, третий, и их ранения заканчивались гангреной... За этот госпиталь отвечает коммунистическая ячейка во главе с доктором Линаресом, одним из “храбрецов”, который во время наступления в Арагоне бросил оборудование и сломя голову бежал в Барселону. Но сказанное о Валькарке относится ко всем, абсолютно всем военным госпиталям. Врач, медсестра, пациент и директор, если они не коммунисты, терпят всевозможные унижения и угрозы и, хуже того, рискуют попасть в подлую ловушку, которая похоронит их в могилах Монтжуика...»71

Заключение

После событий в Барселоне в мае 1937 г. анархистам пришлось вести ожесточённую борьбу на многих фронтах, чтобы защитить революционные завоевания первого этапа Гражданской войны. Они должны были бороться, чтобы сохранить как можно больше сельских и городских коллективов, поддержать своё влияние в вооружённых силах и оставаться значимой силой сопротивления в республиканской политике.

Они испытали на себе решимость и напор высокодисциплинированных испанских сталинистов, которых поддерживали, поощряли и направляли агенты – дипломатические, коминтерновские, экономические и военные – советского режима. Где было возможно, сталинисты действовали с официальных должностей, полученных ими в аппарате республиканского государства; где это не было возможно, они действовали помимо него, используя свою тайную полицию, секретные ячейки в войсках, негласное и явное давление множества «советников» на чиновников и офицеров Республики.

В любое время и по любому вопросу сталинистам удавалось мобилизовать против анархистов поддержку других политических, социальных и экономических групп Республики. Однако, когда эти элементы послужили своей цели, они также пали жертвами сталинистов, рвавшихся к власти. Как мы уже отмечали, к концу 1938 г. коммунистам удалось устранить политически – или даже физически – все важные оппозиционные политические силы, кроме анархистов.

Спротивление анархистов постепенно превращалось в борьбу за выживание. Сталинисты, вначале через агентуру ГПУ, работавшую независимо от правительства, затем в основном через Службу военной информации, проводили политику физического устранения своих противников на фронте и в тылу, когда прочие методы не срабатывали.

Вряд ли можно сомневаться в том, что это настойчивое стремление насадить в республиканской Испании порядки сталинского Советского Союза серьёзно подрывало мораль тех, кто сражался и трудился ради республиканского дела. Ситуация, когда многие республиканские военнослужащие боялись сталинистов, находившихся в их среде, больше, чем солдат Франко по ту сторону фронта, безусловно, не вдохновляла на продолжение борьбы против мятежников. Поскольку большинство в республиканских силах составляли рабочие и крестьяне, которые в той или иной степени участвовали в революции на начальной стадии войны – или имели родственников или друзей, участвовавших в ней, – попытки сталинистов подавить эту революцию также негативно влияли на боеспособность республиканцев. Кроме того, эти попытки всё чаще заставляли рабочих и крестьян в тылу задаваться вопросом: есть ли ещё какой-то смысл в их жертвах ради продолжения борьбы.

Все эти наблюдения в первую очередь относятся к анархистам. Именно они взяли на себя основную роль в революции – поддержанные поумистами и социалистами Ларго Кабальеро. Для них борьба за революцию и победа в войне были неразделимы. Поэтому остаётся лишь удивляться тому, что солдаты-анархисты, составлявшие наиболее многочисленный элемент в войсках, продолжали так же стойко сражаться на фронте, как они сражались раньше, а анархисты в тылу продолжали трудиться с таким же упорством, как раньше.

Итоги борьбы анархистов и сталинистов во время Гражданской войны в Испании, вероятно, лучше всего выразил один иностранный автор вскоре после окончания Второй мировой войны. Гэбриел Явсикас писал:

“ «В конечном итоге коммунистам не удалось ликвидировать анархистов и социалистов, которые оказались весьма непокладистой публикой. НКТ в особенности доказала, что если её не смогли сломить постоянные репрессии

сменявших друг друга испанских правительств, то у Москвы было немногим больше шансов. Как следствие, русские – реалисты до глубины души – наконец сдались и вышли из гражданской войны летом 1938 г., за девять месяцев до того, как республиканское правительство сложило оружие»⁷².

Версия #1

Зверобой создал 11 мая 2025 15:38:01

Зверобой обновил 11 мая 2025 15:48:31